

- Blok F. (2004) Roli gosudarstva v khozyaistve [The Roles of the State in the Economy]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 5, no. 2, pp. 37–56 (<https://ecsoc.hse.ru>).
- Chernysh M. F. (2015) Teoriya institucional'nyh matric: kriticheskiy analiz [The Theory of Institutional Matrices: A Critical Analysis]. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 10, pp. 74–83.
- Clarke J. (2011) Za ramkami gosudarstvennogo i chastnogo? Transformatsiya smeshannoy modeli blagosostoyaniya [Beyond public and private? The changing welfare mix]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*, vol. 9, no. 2, pp. 151–168.
- Hayden G. (2017) An Evaluation of Institutional Matrices Theory Which Was Designed to Illustrate Differences Between Russian and Western Political Economies. *Journal of Economic Issues*, vol. 51, no. 2, pp. 467–475 (<http://dx.doi.org/10.1080/00213624.2017.1321404>).
- Kirdina S.G. (2000) *Institucional'nye matricy i razvitie Rossii* [Institutional matrices and development of Russia]. Moscow: TEIS.
- Klimina A. (2016) The Role of Culture, Historicity, and Human Agency in the Evolution of the State: A Case against Culture of Fatalism. *Journal of Economic Issues*, vol. 50, no. 2, pp. 557–565 (<https://doi.org/10.1080/00213624.2016.1179064>).
- Kolganov A. (2017) K kritike koncepcii "vlasti-sobstvennosti" [To the critique of the “power-property” concept]. *Voprosy ekonomiki*. no. 7, pp. 79–95.
- Kuhn T. (2001) *Struktura Nauchnykh Revolyutsii* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow: AST.
- North D., Wallis J., Weingast B. (2011) *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva* [Violence and social orders. A conceptual framework for interpreting recorded human history]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara.
- Nureev R.M. (2009) *Rossiya: varianty institucional'nogo razvitiya* [Russia: Options for Institutional Development Moscow]. Moscow: Norma.
- Quasi-Markets and Social Policy* (1993) Ed. by J.L. Grand and W. Bartlett. London. Palgrave Macmillan (<http://dx.doi.org/10.1007/978-1-349-22873-7>).
- Pliskevich N.M. (2015) Transformatsiya sistemy vlasti-sobstvennosti v Rossii: regional'niy aspekt. Mogut li regiony nachat' svoy put' k modernizatsii? [The Transformation of Power- Property Relations in Russia: Would Regions Pave the Path Towards Modernization?]. *Mir Rossii*, vol. 24, no. 2, pp. 89–104.

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

А.Ю. ВЕРЕВКИН

**Неудавшаяся революция? Одна из версий
“Майских событий” 1968 года во Франции**

Весной 1968 г. Франция пережила крупнейшее движение протеста в современной истории. За прошедшие 50 лет по поводу “Майских событий” не сложилось консенсуса ни в общественной, ни в научной дискуссии. В контексте современного состояния исследований статья предлагает обратиться к версии о неудавшейся политической революции – одной из самых ранних интерпретаций тех событий.

Ключевые слова: история Франции, события мая–июня 1968 г., Май 68, революция, программные документы, новый рабочий класс, объединенная социалистическая партия, событийная история.

DOI: 10.31857/S086904990000378-7

Весной 1968 г., после 10 лет правления президента Ш. де Голля, Франция была на пике экономического подъема, а ее политическая система казалась как никогда стабильной. В мае на этом весьма благополучном фоне возникло движение протеста, которое за четыре недели разрослось до невиданных масштабов: от митинга во дворе Сорбонны до забастовки семи миллионов человек. Май 1968 г. стал для французов глубоким потрясением.

Сегодня, спустя 50 лет, столь же поразительным представляется многообразие мнений по поводу смысла этих событий. Политологи Ф. Бенетон и Ж. Тушар еще в 1970 г. насчитали более 120 книг, посвященных Маю 68, “не считая журнальных статей и специальных выпусков” [Beneton, Touchard 1970, p. 504]. Известный историк П. Нора за обилие трактовок и комментариев называл его “событием-монстром” [Nora 1972]. Общепринятого ответа на вопрос “что произошло в Мае 68?” в научной сфере не установилось до сих пор. “Революция или бунт, студенческая коммуна или общественное движение, потрясение или взятие слова”, – пишет современный историк Ф. Артьер. – Все знают, что в Мае 68 что-то произошло” [Artières, Zancarini-Fournel 2008, p. 7]. В заголовках и рубриках перед обозначением даты чаще всего используется нейтральный префикс “события”. “Сороковая годовщина не принесла окончательной фиксации смысла [майских] событий”, – констатировал Ф. Досс в 2010 г., когда схлынула волна исследований, приуроченных к очередной круглой дате [Dosse 2010, p. 261–272].

В е р е в к и н Антон Юрьевич – аспирант Школы исторических наук факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Адрес: 101000, Москва, Мясницкая ул., д. 20. E-mail: antonverevkin@yandex.ru

Таким образом, историки прикладывают усилия к обобщению результатов изучения майских событий уже в течение нескольких десятилетий. В рамках краткого историографического обзора можно дать лишь предельно схематичную характеристику работ, пытающихся подступиться к решению этой задачи. Пример двух архетипичных подходов наглядно представлен в своеобразной "дискуссии" крупных историков – Ж.-Ф. Сиринелли и Ф. Досса. Так, Сиринелли предлагает при изучении событий двигаться "вверх по течению" – строго изучать ход и предпосылки произошедшего, чтобы "избавить события от пустой породы позднейших интерпретаций" [Sirinelli 2008, p. 12]. Досс, выражая сомнение в самой возможности добиться фиксации исторического смысла событий, отталкивается от формулировки Сиринелли и предлагает двигаться "вниз по течению" – изучать Май 68 через призму его осмыслений [Dosse 2010, p. 272].

В данной статье я предлагаю свой вариант, в котором будут применены элементы обоих подходов. Я не ставлю целью продвинуться в поисках окончательной версии событий, однако динамика смыслов этих событий будет меня интересовать прежде всего в контексте проблемы ее возникновения. Исходя из этих ориентиров, я попытаюсь изучить не столько Май 68 как таковой, сколько одну из уже сложившихся интерпретаций, сосредоточившись на механизмах ее появления. Причем я опробую этот подход на интерпретации, которая была распространена среди участников майских протестов.

Речь пойдет о радикально-политической трактовке или попросту о той версии, по которой в Мае 68 имелись предпосылки для политической революции. Революция была центральным сюжетом первых дискуссий, в том числе среди тех современников Мая, которые не считали ее возможной [Brillant 2003, p. 437]. Чаще всего говорили о социально-экономической революции в марксистском духе, которая по определению предполагала свержение буржуазного государства. Иными словами, радикально-политическая трактовка событий представлена прежде всего в источниках, близких к Маю 68 по хронологическим координатам.

Я отдаю себе отчет в том, что, несмотря на обилие революционной риторики по ходу событий и даже в первые годы после них (в основном в среде радикальных молодежных организаций – "гошистов"), исследователи не склонны трактовать Май 68 как кризис политических институтов Франции. Сиринелли в поисках минимальных объективных характеристик майских событий пришел к заключению, что здесь не было, по крайней мере, кризиса политического строя, а "персонажи разыгравшейся пьесы", за исключением "нескольких групп", не испытывали чувства отторжения к Пятой республике [Sirinelli 2008, p. 319–320].

Внешне противоположный тезис – о необъятно широком политическом значении Мая, кратко выраженный в уличном лозунге "политика во всем" (*tout est politique*), актуален по сей день, но подразумевает в некотором роде тот же вывод. Он указывает на расхождение между Маем 68 и политикой в узком смысле – политикой законов и государственных институтов. Так, рассуждая о последствиях Мая 68 для политической жизни Франции, Э. Коен пишет, что майское движение "оставило традиционную политическую сцену с ее партиями правых и левых" [Cohen 2008, p. 19], а по словам Досса, целью майского движения одновременно были "реполитизация общества" и его "дезтатизация" [Dosse 2010, p. 263–264].

Таким образом, современная историография удерживает от того, чтобы рассматривать радикально-политическую (в узком смысле) версию событий на предмет ее истинности. Наконец, оснований для этого достаточно и на уровне общеизвестных фактов: в результате майских событий не произошло смены государственного строя, смены правительства или нарушения баланса сил в парламенте. Устойчивость Пятой республики – одного из самых стабильных конституционных режимов во французской истории – сполна подтвердило время.

Однако для нашего подхода утрата доверия к революционной версии событий не является затруднением. Напротив, тем легче эта версия может быть рассмотрена под интересующим нас углом – как одна интерпретация в числе прочих. Так, при анализе механизмов возникновения этой трактовки мы освободимся от необходимости подразумевать

“правильную” версию событий. Возможно, мы также сможем рассчитывать на результаты, применимые к другим интерпретациям, в том числе противоречащим друг другу.

Чтобы дать предмету статьи поддающиеся охвату границы, я сосредоточусь на конкретном варианте революционной трактовки, буду говорить о позиции партии, которая, возможно, наиболее последовательно утверждала достижимость политической революции еще по ходу майских событий, а именно – об Объединенной социалистической партии (далее – ОСП). Эта некрупная партия мало известна российскому читателю, но в майских событиях ее роль была заметной. Внутренняя разведка Франции даже сочла ее скрытым “дирижером” протестов, приписав ей, таким образом, роль революционного заговорщика, которую раньше относили на счет исключительно компартии (Archives Nationales de la France, CAC Fontainebleau, 860581/25).

В мае 68 ОСП заняла резко критическую позицию в отношении “политического режима” страны. Она заявляла, что достижимая цель протестов – свержение президента де Голля, его сторонников и всей системы институтов Пятой республики. Кейс ОСП представляется особенно интересным еще и потому, что партия заметно отличалась от “гошкистов” – наиболее известных сторонников революции в мае, чей пафос принято дисквалифицировать как “наивный” или “слепо догматический”. До кризиса ОСП имела репутацию умеренной и даже “технократической” организации. Будучи некрупной, она тем не менее была партией полноценной: насчитывала трех депутатов в Национальном собрании и более 500 муниципальных депутатов по стране. ОСП располагала такими авторитетными лидерами, как П. Мендес-Франс, Ж. Мартине и М. Рокар¹.

Революционная позиция ОСП была воспринята современниками как резкая радикализация ее взглядов. Майский сдвиг в партийных позициях уже становился предметом исторических исследований. Полученные в результате объяснения, выстроены преимущественно на уровне эмоциональных или культурных факторов, с призывом “не воспринимать революционную риторику буквально” (вспомним статьи К. Винья и Ф. Бютона в [Castagnez, Jalabert, Lazar, Morin, Sirinelli 2013])².

Не отрицая ценности других подходов, сосредоточимся на интеллектуальном измерении позиций ОСП. Не стану обращаться ни к эмоциональным, ни к иным культурным, ни, например, к организационным аспектам ее деятельности. Оговорюсь, что, рассуждая о версии событий с точки зрения объединенных социалистов как об “отдельной” интерпретации, я буду иметь в виду интерпретацию, зафиксированную в официальных заявлениях за определенный период, адресованных широкой аудитории от имени партии, и соглашаюсь на упущения, которые неизбежны при таком операциональном подходе.

В первой части текста предлагается изложение последовательных заявлений ОСП в мае–июне 1968 г. о том, почему майские события следовало считать революционными. Во второй части вернемся к тем аспектам докризисных текстов ОСП, которые соответствуют тематике революционных аргументов. Тогда станет понятно, что феномены, которые в мае 68 партия сочла симптомами революционной ситуации, ранее она уже описывала как наличные, не переходя к заявлениям о скором свержении власти. Наконец, в заключительной части статьи я обращусь к высказываниям ОСП по ходу событий, но уже с необходимыми средствами для выявления динамики, соответствующей именно Маю 68.

¹ П. Мендес-Франс – председатель Совета министров Франции с 19 июня 1954 г. по 23 февраля 1955 г.; Ж. Мартине – основатель и вплоть до 1964 г. главный редактор журнала “L’Observateur (France Observateur)”, генеральный секретарь Левого социалистического союза (1958–1960); М. Рокар известен в России по работе на посту премьер-министра Франции (1988–1991).

² Ввиду значительного числа представителей академии в рядах ОСП существенное количество научных работ по истории партии написано ее бывшими активистами. Среди таких авторов можно назвать М. Эргона, Ж-Ф. Кеслера, Б. Равенеля и др. Даже притом, что эти работы выполнены на весьма высоком уровне и дают бесценный материал, к примеру, об организационных аспектах деятельности ОСП, их применение в исследовании проблем интеллектуальной истории партии затруднительно в силу апологетического отношения к идеям ОСП в целом или одной из ее внутренних тенденций.

Заявления ОСП по ходу майских событий

Общепринятой точкой отсчета майских событий является митинг студентов во дворе Сорбонны 3 мая. Студенческая организация ОСП заявила о поддержке протестов той же ночью (Le Monde, 5–6 мая 1968). Однако со стороны партии на этом этапе реакций не было, хотя она все же высказалась довольно рано – 6 мая. Как гласил текст коммюнике, “для тех, в чьих руках будущее страны” действующий “режим уже принадлежит прошлому” (Le Monde, 8 мая 1968). Тем не менее выражение “полной солидарности” студенческому движению подкреплял умеренный призыв “обсудить новую форму и новое содержание образования”. Об общеполитических решениях речь еще не шла.

Протесты обрели для ОСП новый смысл на более позднем этапе. 16 мая в сообщении национального бюро партии был включен призыв “поддержать широкое социалистическое движение, которое родилось на баррикадах улицы Гей-Люссак” (в Латинском квартале) и должно “распространиться на всю Францию и на все капиталистические страны” (Le Monde, 18 мая 1968).

18 мая глава ОСП Рокар в интервью поставил вопрос о наличии “революционной ситуации в полном и подлинном смысле слова” (Le Monde, 19–20 мая 1968), заявив, что его партия “регистрирует первые случаи осознания подобной ситуации”. В тот же день ОСП потребовала от своих активистов способствовать организации “комитетов действия” (Le Monde, 19–20 мая 1968) – негосударственных форм власти на местах. 25 мая Национальное бюро ОСП заявило, что “желаниям французского народа” отвечает “только свержение голлистской власти и учреждение власти на службе трудящихся” (Le Monde, 26–27 мая 1968). 28 мая – новое заявление: “...первостепенной задачей является установление переходных форм власти на пути к социализму (*pouvoir de transition vers le socialisme*)” (Le Monde, 29 мая 1968). 30 мая: “...целью остается учреждение режима перехода к социализму и разрыв со структурами капиталистического государства” (Le Monde, 31 мая 1968). 31 мая партия ОСП призывала “парализовать власть” и ускорить создание “автономного управления на местах” (Le Monde, 1 июня 1968).

В последние дни мая протесты начали спадать. Де Голль распустил парламент и объявил дату внеочередных выборов. В Париже прошла массовая демонстрация в поддержку президента. Основные политические силы, в том числе оппозиционные, переключились на предвыборную кампанию.

ОСП считала, что целей майского движения путем этих выборов достичь нельзя, но 5 июня все же объявила, что выставит своих кандидатов. Еще через несколько дней ОСП выпустила брошюру “Май 1968: неудавшаяся революция? почему? ...что делать теперь?” [Bridier 1968]. Текст был написан 8 июня одним из лидеров партии М. Бридье. Это был синтез революционной версии событий, который одновременно указывал на завершенность революционного этапа. 13 июня в партийной газете “Трибуна социализма” спад революционного движения констатировал уже глава ОСП Рокар (Tribune socialiste, 13 июня 1968).

Итак, ОСП говорила об актуальной возможности свергнуть действующий режим с середины мая до начала июня. В этот период доводы ОСП в пользу свержения власти можно свести к трем. Это, во-первых, тезис о единстве протестного движения, во-вторых, о радикальном характере его требований и, наконец, в-третьих, о руководящей роли “низовой” инициативы протестующих. Выдвигая тезис о единстве протестного движения, ОСП боролась с разделением между протестами студентов и рабочих. По словам П. Мендес-Франса, требования всех протестующих носили принципиально схожий характер: “прямое участие студентов в принятии всех решений, которые касаются их судьбы...” и “признание роли рабочих организаций на предприятиях – это по сути одна и та же проблема” (Le Monde, 19–20 мая 1968).

Несмотря на то что в своих заявлениях ОСП явно опиралась на марксистскую традицию, фактически предполагалось признание полноценной революционной роли за группами, не относящимися к рабочему классу³. По мнению ОСП, рабочий класс в мае 68 не столько придал студенческой борьбе подлинно классовый характер, сколько был основной силой в едином антикапиталистическом движении, которое включало не только студентов и рабочих, но также занятых в сельском хозяйстве, инженеров и техников, кадры среднего звена и даже мелких чиновников. К примеру, в брошюре Бридье университет назван “заводом по массовому выпуску производственных кадров среднего звена”, наполненный если не “детьми рабочих”, то “наполовину пролетаризованными” слоями [Bridier 1968, p. 4]. На страницах “Трибуны социализма” публиковались заявления о том, что “студентов необходимо включить в профсоюзное рабочее движение не в качестве вспомогательной, но в качестве компетентной силы”, что “крестьяне становятся настоящими пролетариями”, что происходит “пролетаризация интеллигентов” (Tribune socialiste, 23 мая 1968), и т.д. К революционным выводам все это вело постольку, поскольку единство протестов и единство целей протестующих предполагали необходимость единого решения для всего кризиса, обесценивая меры на уровне отдельных секторов протеста, например обособленную реформу образования.

Второй существенной чертой майского протеста, с точки зрения ОСП, было содержание тех лозунгов, вокруг которых и сложилось единое движение. Это были прежде всего требования “контроля и управления” – демократизации производства и государственных институтов. Такие лозунги ОСП называла “качественными” в противоположность сугубо материальным, “количественным” требованиям. ОСП настаивала: студенты, рабочие и крестьяне требуют изменения “системы отношений власти”, студенты – участия в управлении факультетами, рабочие – управления предприятиями, общей децентрализации государства и т.д.

Параллельно ОСП утверждала вторичный и недостаточный характер “количественных” требований, которые без изменения отношений власти не смогут дать серьезных результатов. Так, Рокар на страницах “Трибуны социализма” грозил “тяжкой ответственностью” тем, “кто попытался бы отклонить движение в сторону чисто количественных требований, не ставящих под вопрос структуры власти” (Tribune socialiste, 23 мая 1968).

25 мая под давлением массовых протестов на улице Гренель были подписаны соглашения о повышении зарплат, что для многих стало серьезной уступкой со стороны патроната. ОСП восприняла Гренельские соглашения скептически. Национальное бюро партии по этому поводу вновь заявило: “...предпосылки для новых социальных взрывов сохраняются, пока не будут установлены новые отношения власти” (Le Monde, 28 мая 1968). Упирая на лозунги “контроля и управления”, отрицая внеполитические компромиссы вроде повышения зарплат и пособий, ОСП подчеркивала политическую природу кризиса.

Наконец, третьим аргументом в пользу революционного смысла майских протестов было их “низовое” происхождение. По мнению ОСП, они, хотя и выражали неприятие голлизма, в той же степени оспаривали легитимность больших партий парламентской оппозиции, поскольку майское движение родилось без их участия и без их должной поддержки. И если социалистической партии (СФИО) – одной из двух крупнейших левых партий страны – вменялось отсутствие каких бы то ни было связей с протестующими, то компартия (ФКП) была якобы и вовсе главным препятствием для революции. Именно она пыталась возвести “кордон” между рабочими и студентами, а протесты увести в сторону количественных требований (Le Monde, 29 мая 1968).

³ Отмечу, что здесь и далее, говоря “марксистская традиция”, я не имею в виду систематическое развитие положений, изложенных в работах К. Маркса. Под этой традицией будет подразумеваться распространенный на левом фланге французской политики комплекс базовых идей, расположенный внутри более широкой и аморфной социалистической традиции, который во французской политической историографии иногда называется “марксистской вульгатой”.

С точки зрения ОСП, ни одна из политических сил Пятой республики не имела оснований действовать от имени майского движения, и окончательное и “подлинное” решение кризиса не могло быть найдено путем смены правительства внутри действующего режима, а должно осуществляться силами самого движения и соответствовать его “качественным” целям, несовместимым как с Пятой республикой, так и с капитализмом вообще.

Итак, из высказываний ОСП следовало, что цели протестного движения превосходят горизонт возможностей действующего режима. “Всем, кто считает, что на глобальный протест против капиталистического общества можно ответить простой коррекцией состава правительства или баланса сил в парламенте; всем, кто еще сомневается, сначала не поверив в студенческий бунт, а затем в связь между целями студентов и рабочих; теперь нужно ответить, открыв... перспективы, определяющие... власть, способную уже сейчас запустить движение к социализму” [Rocard 1968].

При простом перечислении революционных аргументов ОСП в них заметно влияние марксистской традиции, хотя видны и существенные отступления от ее канона. Так, при использовании классовой и формационной терминологии она раздвигала границы рабочего класса, снимала акцент социальной борьбы с вопросов собственности, отрицала наличие и необходимость руководящей революционной партии. Сами эти отступления не являются следствием майских событий, поскольку ОСП и раньше систематически отступала от традиции. Чтобы понять динамику взглядов ОСП именно в мае 68, рассмотрим предысторию партийных позиций на тех направлениях, которые соответствуют ее революционным аргументам в мае.

Ретроспектива партийных заявлений

ОСП образовалась 3 апреля 1960 г. в результате объединения трех организаций, одна из которых ранее откололась от СФИО, другая – от ФКП, а третья корнями уходила к довоенным движениям левых католиков [Kesler 1990]. Здесь оказались несколько мэров, бывших министров (например, первый руководитель партии Э. Депре) и даже бывший председатель правительства (П. Мендес-Франс) (Tribune socialiste, апрель 1961). Таким образом, с первых дней ОСП обладала рядом опытных активистов, не желавших, однако, продолжать политическую деятельность в лоне “старых” партий. СФИО они обвиняли в оппортунизме и отсталости, коммунистов – в слепой верности советским образцам, чуждым Франции.

Помимо недоверия к старым партиям, врожденной чертой ОСП было неприятие Пятой республики. ОСП настаивала, что режим учрежден не случайно и соответствовал новой стадии развития капитализма, а значит был врагом всех социалистических сил. “Социалистическое движение, – гласит резолюция первого съезда ОСП, – должно противопоставить голлистскому режиму общую стратегию, направленную на его свержение” (Tribune socialiste, апрель 1961). Отрицая “неокапитализм” и “реальный социализм”, ОСП проповедовала социалистическую демократию, адаптированную к условиям послевоенной Франции. На этом “третьем пути”, по мнению партии, левые должны были объединиться, чтобы бросить вызов силам голлистов.

Несмотря на изначально скромный избирательный вес, “перед лицом французских левых, переживших серию провалов, ОСП имела свои козыри” [Bergounioux 2013, p. 94]. Так, по репутации компартии ударили венгерский кризис и XX съезд КПСС, а СФИО переживала последствия колониальной политики Г. Молле. ОСП была четвертой по численности партией страны и, несмотря на явные марксистские корни, в меньшей степени оказалась скованной догматизмом и строгой дисциплиной. Наконец, она располагала симпатиями прессы – интеллигуалов. В ОСП “представлены все течения французских левых”, кроме двух – “моллетистов и сталинистов”, – утверждала партийная пропаганда (Tribune socialiste, 24 декабря 1960).

В соответствии с ресурсами партии, главным из которых была не численность сторонников, а квалификация лидеров, большое внимание уделялось теоретической работе.

Избирательной и парламентской борьбе отводилась второстепенная роль. Своей задачей ОСП считала разработку программы, которая подойдет для потенциального объединения всех левых сил. В это время перед левым движением, где марксистская традиция доминировала безоговорочно, действительно возник ряд проблем теоретического плана. Причиной тому стали драматичные перемены во французском обществе послевоенных десятилетий: резкие изменения в его социальной структуре и стремительный рост экономики. В “Хартии социалистического объединения” [Charte...] – фундаментальном для ОСП документе, принятом на учредительном съезде, – несмотря на популярные цитаты из К. Маркса, видны существенные новшества: желание объединить работников не только физического, но и интеллектуального труда: социализм должен “ввести наиболее полную демократию на всех уровнях управления”, а потому “не является лишь экономической организацией общества”. Цель партии – “переход к социализму” (*transition socialiste*) – представлена как “революционный”, но длительный процесс, а легальные реформы – как один из путей к его запуску.

Решаясь на “модернистский” пересмотр марксистской традиции, ОСП сохраняет верность отдельным положениям Маркса. Согласно первой статье Устава партии, она создана для “экономической и политической организации трудового мира в классовую партию с целью захвата власти и обобществления средств производства, то есть, с целью трансформации капиталистического общества в социалистическое”⁴ [Statuts...]. Специально указано, что партия является “революционной”. В текст Хартии включены положения о новейших изменениях “в структуре, функциях и желаниях” рабочего класса и в то же время заявлено, что именно “благодаря Марксу и Энгельсу мы знаем основные законы, которые определяют развитие капитализма и ведут к его неизбежному крушению” [Charte...].

В целом, пересмотру не подвергались положения, которые не противоречили целям “модернизации” – согласования с обстоятельствами современной Франции. То есть нетронутыми оставались положения, относящиеся к общеисторическим законам развития, а не те, что касались конкретно-исторической ситуации. В операциональных целях нашего исследования первые (включающие, непременно, нормативные импликации по поводу будущего) можно свести до минимальной формулы, которая вытекает из первой статьи Устава ОСП: 1) всякое общество разделяется на противоборствующие классы; 2) борьба “труда” и “капитала” характеризует общество в настоящем; 3) в будущем крах капитализма неизбежен и повлечет установление социализма – бесклассового общества процветания.

Положения этой примитивной формулы роднили объединенных социалистов с самым широким кругом марксистов. Анализ программных документов ОСП показывает, что в попытках “модернизации” социализма партия, в сущности, пыталась осмыслить современность в соответствии с этими нормативно-историческими принципам. Теоретическую работу такого рода рассмотрим на примере трех центральных тем, выделенных в майской аргументации ОСП: классовая структура общества, антикапиталистическая борьба, организация борьбы с капитализмом.

Ситуация в послевоенной Франции ставила проблемы перед марксистской теорией классов. С одной стороны, промышленный рабочий класс сокращался, с другой – повышалось значение социальных слоев, которые не относились ни к “пролетариату”, ни к “крупной буржуазии”. И если в XIX в. к средним классам причисляли ремесленников и мелких лавочников, то теперь – управляющих среднего звена, инженеров и технических специалистов. “Промежуточные слои” представляли уже в качестве не архаичного пережитка, но общественного авангарда.

Расхожие разговоры о восхождении новых средних слоев [Болтански, Кьяпелло 2011] несли прямую угрозу претензиям марксистов на знание законов общественного развития, поскольку оспаривали бинарную логику классового устройства. Вопрос клас-

⁴ Эта формулировка практически полностью воспроизводит первую статью устава СФИО 1905 г.

совой теории оказался в центре дискуссий того времени, а в рамках ОСП им занялись крупнейшие теоретики партии: П. Навиль, С. Малле, П. Бельвиль и целый ряд специальных комиссий.

Историк П. Масса выделил в классовой концепции объединенных социалистов два направления. Во-первых, ОСП отрицала само существование промежуточных слоев как единой социальной категории. Он отмечал, что средние классы, которые долгое время обеспечивали баланс режима (как записано в “Хартии”), сегодня разорваны новыми противоречиями, часть из них потеряла свое экономическое значение, другие, напротив, приблизились к крупному капиталу [Massa 1993]. Бельвиль писал, что больше не будет супер-конфедерации средних классов. Само понятие теряет свой смысл. Инженеры и специалисты химической и топливной отраслей – это люди мира современной промышленности... у них нет ничего общего с людьми среднего и малого бизнеса [Belleville 1962]. Положение о поляризации “промежуточных классов” позволяло ОСП вернуться к представлению о бинарности классовых противоречий: “В действительности, – гласит “Хартия”, – фундаментальные противоречия между интересами труда и капитала (к настоящему времени. – *А.В.*) только возросли”.

Вторым направлением работы было переосмысление границ самого рабочего класса. По словам Бельвиля, “рабочий мир не может пассивно ждать расширения своих рядов, но имеет возможность претендовать на новые границы” [Belleville 1962, p. 21]. На тезис о “расширении средних слоев в результате выравнивания доходов” он отвечал положением о “расширении слоя наемных производителей”. По мнению Малле, из-за стандартизации интеллектуального труда, его психологической тяжести, выравнивания доходов и общей удаленности от “центров принятия решений” целый ряд “новых слоев” по своим классовым позициям сближился с рабочими. Молодой техник в сельском хозяйстве, писал Малле, имеет идентичные потребности и тот же горизонт, что молодой рабочий [Mallet 1963]. А инженер в исследовательском бюро, подчиненный плану своей лаборатории, является таким же “пролетарием”, как и оператор на автоматизированном производстве, равно как и студент, поскольку с техническим прогрессом растет значение науки, а высшее образование перестает быть уделом потомков крупной буржуазии. Как писал Малле, политический авангард общества вербует в авангарде техническом и социологическом [Mallet 1962].

Предполагаемому единству “нового рабочего класса” мог противоречить тот факт, что при умножении числа его представителей не наблюдалось соответствующего роста избирательных показателей социалистов, как и оформления единого социального движения в заявленных классовых границах. Однако ОСП, по мнению Масса, уходила от этого противоречия посредством “классической темы отставания сознания от реальности” [Massa 1993, p. 52].

Классовым ориентирам партии соответствовал ее собственный социальный состав. Доля промышленных рабочих здесь была меньше, чем в среднем по стране, но особенно широко представлены управляющие кадры, преподаватели и студенты. Партия активно налаживала связи с молодежным профсоюзом сельхозрабочих (CNJA), с христианской конфедерацией труда (CFTC), которая разделяла позиции “демократического социализма” [Fisera 1968, vol. 2, p. 186], была регулярно представлена в руководстве национального студенческого профсоюза (UNEF).

Не менее серьезным вызовом марксистской традиции, чем дискурс о восхождении новых средних слоев, стал рост экономики и уровня жизни при капиталистическом строе, ибо бедность рядовых рабочих была основным ресурсом мобилизации сторонников социализма. Как указано в “Хартии”, “рост уровня жизни и практически полная занятость в послевоенные годы сопровождались определенной психологической демобилизацией трудящихся”. Экономические успехи буржуазного строя вкупе с “демобилизацией” или даже “интеграцией” пролетариата поставили под вопрос прогнозы о скором крахе капиталистической системы. В надежде на этот скорый крах экономические программы марксистов традиционно основывались на лозунгах перераспределения собственности в пользу неимущих слоев, создавая социалистам репутацию “опустошителей

бюджета”. Теперь остро встала необходимость создать программу, которая, не входя в противоречие с принципами социализма, могла бы составить конкуренцию правым в поддержании экономического роста.

Вопрос обновления экономической программы не был эксклюзивной заботой ОСП. В конце 1950-х гг. дискуссии этого рода стали для левых очередным “спором о древних и новых” [Fulla 2011]. ОСП выступала в числе сторонников “активной” программы – в противовес “пассивной” (распределительной). В этом лагере “новых” также находился профсоюз *CFTC* и ряд политических клубов. Экономический проект ОСП опирался на ее классовую концепцию. Это был проект самоуправления экономикой силами трудящихся, где передовая роль выпадала как раз техническому авангарду. Предполагалось, что искомая система должна быть более эффективной, нежели действующая. ОСП не признавала заслуг голлизма в экономических успехах и настаивала, что, руководствуясь интересами крупного капитала, голлизм тормозил развитие страны. Иными словами, обещала не просто борьбу с бедностью, но еще и более стремительный рост экономики.

На избирательную кампанию 1962 г. ОСП вышла с программой “За новую демократию в интересах трудящихся” (*Tribune socialiste*, 10 ноября 1962), где предлагала создание представительного органа рядовых производителей для участия в составлении национального плана, меры по внедрению прямого управления трудящихся на предприятиях, расширение прав профсоюзов и т.д. В 1963 г. ОСП опубликовала более подробные предложения своих лидеров Навиля, Малле и Мендес-Франса в книге “Могут ли рабочие управлять экономикой?” [*Les Travailleurs...* 1963]. К 1964 г. экономический проект партии принял форму практической программы – “Контрплана”, предложенного в качестве альтернативы пятилетнему плану правительства [*Contre-plan...* 1964]. Над его разработкой трудилась комиссия, в которую входил будущий национальный секретарь ОСП М. Рокар.

Контрплан фиксировал отход от “распределительной риторики” в пользу прикладных предложений по ускорению экономики. Требования повысить зарплаты и пособия должны были уступить в приоритете более “продвинутому” ориентирам “управления и контроля”. Последние, с точки зрения ОСП, были присущи прежде всего представителям “нового рабочего класса”. Согласно Малле, “предприятия, где проблемы контроля и управления... проявляются наиболее отчетливо, где они наиболее глубоко ощущаются – это те предприятия, где уже существует очень высокий уровень квалификации” [*Les Travailleurs...* 1963, p. 30].

В то же время предполагалось, что повсеместное внедрение управления экономикой рабочими требует от них дополнительной подготовки. “Рабочий класс, – по словам Мендес-Франса, – сегодня не располагает в достаточном количестве квалифицированными кадрами, способными играть новую, более значительную роль, о которой мы думаем. Экономическое и техническое обучение рабочих, я бы добавил – в высоком смысле – даже политическое обучение... является одной из самых важных задач, для тех, кто хочет подготовить будущее” [*Les Travailleurs...* 1963, p. 58]. Можно сделать вывод, что ОСП через разработку активной экономической программы, в том числе через дисквалификацию “количественных” требований, пыталась доказать, что социализм неизбежен и привлекателен в той же степени, что и технический прогресс.

Наконец, рассмотрим понятие “Социалистический фронт”, вокруг которого строились представления ОСП об организации борьбы с голлизмом. Стратегия “Социалистического фронта” была одобрена партией на первом очередном съезде (1961). Согласно его резолюции, “переход к социализму” требовал “объединения всех сил, способных содействовать трансформации французского общества”. Предполагалось, что искомый Социалистический фронт, созданию которого будет способствовать ОСП, станет “союзом на всех без исключения уровнях и на основе равенства всех организаций – политических, профсоюзных, общественных, молодежных...” (*Tribune socialiste*, #47 Spécial Congrès, апрель 1961). В связи с этим ОСП считала “особенно важным осознание этими организациями своей политической ответственности”.

Концепция Социалистического фронта очевидным образом расходилась с традиционной марксистско-ленинской концепцией партии как организованного авангарда. Кроме того, объединенные социалисты противопоставляли ее избирательным союзам, заключенным на уровне партийных элит без согласования программ и координации “низовой” деятельности. В приверженности таким “поверхностным” соглашениям ОСП обвиняла большие левые партии. Более того, стратегия Социалистического фронта имплицитно снижала значение самих крупных партий, не имевших права на привилегированную роль в социальных движениях.

Эта концепция была не только программой объединения, но также инструментом продвижения собственных взглядов ОСП. Представляя резолюцию на голосование первого съезда, Мартине заявил, что “под знаком Социалистического фронта” делегатам предлагается “цельная и оригинальная политическая линия”, которая “является частью определенного анализа голлистского общества, не произведенного никем кроме нас” (*Tribune socialiste* #47 Spécial Congrès, апрель 1961). К примеру, социальный состав сил, которые могли образовать Фронт, коррелировал с классовыми взглядами партии: “рабочие, наемные работники и управляющие, преподаватели, независимые трудящиеся, технические и административные кадры, мелкие фермеры и сельскохозяйственные рабочие, молодежь и студенты”.

Целям защиты собственных оригинальных позиций партии подчинялась ее политика альянсов. В течение 1960-х гг. ОСП непрерывно вела переговоры о совместной деятельности со “старыми партиями” и каждый раз из-за программных расхождений отдавала предпочтение автономии. Проблема обострилась, когда в деле объединения левых сил значительных успехов добился Ф. Миттеран. Перед ОСП встал вопрос о присоединении к Федерации демократических и социалистических левых сил (ФДСЛС), которую Миттеран создал в 1965 г. и в которую вошла СФИО. Делегаты пятого съезда ОСП (1967) разделились на две фракции – “унитариев” и “автономистов”. Однако и на этот раз победу одержали сторонники неприсоединения. Причиной стал отказ ФДСЛС от предварительной унификации программ. “ОСП решает вопрос своих союзов в соответствии с целями программы” (*Tribune socialiste*, 29 июня 1967) – гласит первая строка резолюции пятого съезда. Новый глава партии Рокар также считал, что программа ОСП “во многом является более актуальной, точной и амбициозной, нежели программы ФДСЛС и ФКП” (*Tribune socialiste*, 29 июня 1967).

Итак, я попытался показать, что такие реалии французского общества, как расширенный ареал антикапиталистических сил, первостепенное значение “контроля и управления” трудящимися, некомпетентность не только действующих властей, но и крупнейших партий парламентской оппозиции, отмечались ОСП задолго до Мая 68. Хотя данные представления и были результатом “оригинального анализа”, они вписывались в рамки некоторых общих положений марксизма. Последние относились к уровню общесоциальных норм, тогда как собственный анализ был нацелен на современное “голлистское общество”.

Наконец, объединенные социалисты отказывали в подлинном понимании современности не только старым партиям, но и основной массе населения. С точки зрения ОСП, единство трудящихся в новых социальных границах еще не осознано должным образом, за рамками своего “технического авангарда” они еще не располагали в должных объемах навыками и квалификацией для самоуправления экономикой, а организации потенциальных союзников ОСП только должны были осознать свою политическую ответственность.

ПЕРЕФРАЗИРУЯ слова Г. Люббе, относившиеся ко всякому движению на стыке политики с эксплицитной философией истории, объединенные социалисты верили, что знают причины, по которым цели партии все еще не осмыслены людьми как их собственные [Люббе 2016, с. 144]. Люббе называл политические программы такого рода программами “воспитателей”. Поскольку интересна скорее собственная оценка объединенными социалистами своей программы, точнее было бы назвать ее “экспертной”. Как будет показано ниже, существенным содержанием Мая 68 для объединенных со-

циалистов стала как раз утрата ими положения “экспертов” – обладателей знания, не доступного большинству.

Изменение взглядов ОСП в Мае 68

Черты общественной ситуации, которые в Мае 68 служили объединенным социалистам в качестве симптомов революционного содержания событий, для ОСП наличествовали задолго до кризиса. Тем не менее сказать, что в Мае 68 ОСП попросту воспроизвела свои позиции прошлых лет, было бы неверно. Результаты “анализа голлистского общества” и раньше указывали на факторы, которые рано или поздно должны были запустить “переход к социализму” (*transition socialiste*), но они никогда еще не приводили ОСП к выводу о выполнимости этой цели *здесь и сейчас*. Следовательно, обстоятельства Мая 68 принципиальным образом отличались от обстоятельств прошлого. Определить модальность произошедшего изменения можно попытаться, не выходя за рамки формулировок самой ОСП.

В высказываниях объединенных социалистов эскалация кризиса чаще всего определялась как нарастающее “осознание” (*prise de conscience*) общественной ситуации со стороны протестующих. Согласно заявлениям национального бюро ОСП, по ходу майских событий голлизм “сбросил маску” (*Le Monde*, 12–13 мая 1968), а режим проявил свою истинную природу. Типичный пример – резолюция Национального политического бюро в поддержку массовой демонстрации 13 мая. По мнению ОСП, демонстрация должна привести к “широкому осознанию (*large prise de conscience*) политических и социальных проблем, которые продемонстрировали студенты” (*Tribune socialiste*, 16 мая 1968). Активист ОСП и глава национального профсоюза студентов Ж. Саваржо в интервью партийной газете заявил, что студенты “более или менее осознанно всегда отвергали ту модель общества, которая служит опорой университета. Тем не менее это неприятие никогда не осознавалось настолько ясно” (*Jamais cependant la prise de conscience n'avait été aussi nette que maintenant*) (*Tribune socialiste*, 16 мая 1968). Рокар 18 мая в интервью газете “Монд” впервые публично поставил вопрос о наличии революционной ситуации, указывая именно на “первые случаи осознания (*les premières prises de conscience*) подобной ситуации” (*Le Monde*, 19–20 мая, 1968). 23 мая Рокар пишет, что все – рабочие, технические специалисты, крестьяне – сейчас открывают для себя (*en train de découvrir*) нестерпимые явления жизни, в которую их погрузила нынешняя экономическая система, основанная на эксплуатации и угнетении (*Tribune socialiste*, 23 мая 1968). Можно продолжить приводить высказывания лидеров ОСП, в которых объективные предпосылки кризиса отодвигались в прошлое или вовсе не привязывались к тому или иному моменту (“всегда”), тогда как специфика майской ситуации определялась степенью осознания французским обществом этих предпосылок.

То, что осознавалось протестующими, с точки зрения объединенных социалистов, как правило, соответствовало доктрине ОСП. “Это движение, – пишет Рокар, – показывает, до какой степени ложными были расхожие суждения... об интеграции рабочего класса, об апатии масс”. “ОСП всегда, с первого съезда утверждала, что голлизм не был просто институциональным решением алжирской проблемы... Напротив, ОСП всегда утверждала, что голлизм соответствует определенной стадии нашей социально-экономической эволюции... мы считали, что атака на этот режим должна вестись в сфере экономики, социальной и культурной сферах, и это сейчас с размахом подтверждают факты” (*Tribune socialiste*, 23 мая 1968).

Каким же ОСП в Мае 68 года видела путь выхода из кризиса? По сути, предлагаемые меры сводились к двум: развитию Комитетов народного действия и созданию “правительства перехода к социализму”. Вторая возникла в последние дни мая и разделялась по крайней мере центральным течением партии вокруг ее главы – Рокара [*Fisera* 1968], а первая вошла в обиход с середины месяца и поддерживалась большинством активистов.

“Правительство перехода” должно было предпринять первоочередные шаги “сверху”. Их цель – придать достижениям протестующих необратимый характер, а контрата-

ку капитала сделать невозможной. В соответствии с позицией ОСП, такое правительство должно быть сформировано не парламентскими партиями, а “силами самого движения”. ОСП ни разу не заявила о намерении формировать или контролировать такое правительство, хотя повторяла, что “будет действовать в соответствии с целями народного движения”, и указывала, какими конкретно должны быть первоочередные шаги (Tribune socialiste, 23 мая 1968).

Наконец, ОСП призывала развивать на местах спонтанно возникшие Комитеты народного действия. Активистов партии и сочувствующих приглашали вступать в такие комитеты на предприятиях, на факультетах, в лицах, в отдельных жилых комплексах (Le Monde, 21 мая и 29 мая 1968). Там, где подобные организмы не возникли, их требовалось создать. Однако речь шла не о создании системы собственных партийных органов или о захвате действующих комитетов, но о поддержке самоорганизованных институтов, которые по определению не были партийными. Оба примера показывают согласие объединенных социалистов *a priori* со спонтанными действиями протестующих. ОСП вела себя так, будто внешняя по отношению к партии “низовая” деятельность протестующих с необходимостью соответствовала партийным целям.

Поскольку ОСП считала майское движение единым для всех антикапиталистических сил, выходит, что объединенные социалисты посчитали, что их взгляды разделяются всеми антикапиталистическими силами не потенциально, но *здесь и сейчас*. Иначе говоря, представления ОСП о структуре общества, целях и формах антикапиталистической борьбы, которые объединенные социалисты считали своим “экспертным” знанием, теперь, как им представлялось, были доступны всем релевантным группам населения непосредственно в общем опыте происходящего.

Такой “общий опыт”, в отличие от наличия в обществе революционного потенциала, объединенные социалисты никогда ранее не констатировали. Но такое беспрецедентное состояние общества, акцентируемое ОСП, не пережило спад майского движения. Согласно тексту Национального бюро, “движение не смогло свергнуть голлистскую власть, потому что в недостаточной степени осознало свою силу” (Tribune socialiste, 20 июня 1968).

В дальнейшем майский кризис не только не стал для ОСП началом участия в широком социалистическом объединении, но, напротив, привел к политической изоляции и внутреннему дроблению. С одной стороны, позиция ОСП в диалоге с другими партиями стала еще менее гибкой, поскольку ее руководство сочло свои представления об обществе наглядно подтвержденными. С другой стороны, революционная риторика ОСП спровоцировала приток в ее ряды леворадикальных активистов, чьи взгляды на наследие майских событий противоречили предкризисной линии партии, что привело уже к внутренним конфликтам.

* * *

Итак, была рассмотрена трактовка событий Мая 68 одной из активных участниц — Объединенной социалистической партии. По мнению ее представителей, в мае 1968 г. во Франции сложилась революционная ситуация, и единственно возможным ее исходом был “режим перехода к социализму”. Залогом установления такого режима должен был стать крах “неокапиталистической” Пятой республики, то есть — политическая революция. Такая версия сложилась из двух компонентов — специфического представления партии об устройстве общества и впечатления, будто протестующие приобщились к этим представлениям. То есть анализ этой версии одновременно указывает и на ее укорененность в прошлом, и на уникальность обстоятельств Мая 68. С одной стороны, общественно-исторические представления ОСП формировались в течение длительного предкризисного периода, с другой — убежденность объединенных социалистов в сопричастности современников единому опыту не имела аналогов в партийной истории.

Предположение ОСП о том, что протестующие имели общее или хотя бы одно преобладающее представление о происходящем, вряд ли нуждается в проверке: мы много раз сталкивались с фактом множественности смыслов майских событий уже у современни-

ков. Но если революционная версия объединенных социалистов оказалась довольно специфической, то предположение об общем опыте, лежавшем в ее основе, встречается и у других интерпретаторов. К примеру, Р. Арон категорически отрицал революционный характер майских событий, указывая на пережитый, в том числе им самим, опыт всеобщего "революционного конформизма" перед лицом радикального меньшинства [Agon, 1968]. В нейтральной форме это предположение содержится в вопросе, заданном П. Нора: "*Мы все непосредственно пережили нечто, но что это было?*" (*Tout le monde vivait la chose en direct. Mais qu'était cette chose ?*) (Le Nouvel Observateur, 8 мая 1978).

Рассмотренный кейс не только показывает, как ответ участников майских событий мог формироваться из их исходных взглядов, но также демонстрирует, что само предположение общего опыта уникальным образом влияло на позиции действующих лиц. Ключевой проблемой на пути обобщающих исследований Мая 68 остается не только вопрос "что произошло в Мае 68?", но и вопрос о том, в силу каких причин в компактный период времени обладатели самых разных представлений об обществе сочли своих современников участниками одних и тех же "событий".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болтански Л., Кьяпелло Э. (2011) Новый дух капитализма. М.: НЛЮ.
- Люббе Г. (2016) Политический авангардизм, или прогресс и террор // Г. Люббе. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем. М.: Издательский дом ВШЭ. С. 135–150.
- Aron R. (1968) *La Révolution introuvable*. Paris. Fayard.
- Artières P., Zancarini-Fournel M. (2008) (dir.), 68, une histoire collective. [1962–1981]. Paris: La Découverte.
- Belleville P. (1962) L'engagement syndical des cadres et la CGC // *Perspectives socialistes*, octobre. Pp. 23–27.
- Beneton P., Touchard J. (1970) Les interprétations de la crise de mai–juin 1968 // *Revue française de science politique*, 20e année. № 3.
- Bergounioux A. (2013) Le PSU dans la gauche (1962–1967) // Castagnez N., Jalabert L., Lazar M., Morin G., Sirinelli J.-F. *Le Parti socialiste unifié: histoire et postérité*. Presse universitaire de Rennes. Pp. 93–105.
- Bridier M. (1968) *Révolution manquée? Pourquoi? ...Et maintenant que faire?* Paris:: Imp. NPP.
- Brillant B. (2003) De la répétition génégale à la révolution introuvable // B. Brillant. *Les clercs de 68*. Presses universitaires de France.
- Castagnez N., Jalabert L., Lazar M., Morin G., Sirinelli J.-F. (2013) *Le Parti socialiste unifié: histoire et postérité*. Presse univ. de Rennes.
- Charte pour l'unification socialiste // Archives Nationales de la France, 581 AP, 6/26/
- Cohen E. (2008) L'ombre portée de Mai 68 en politique. *Démocratie et participation* // *Vingtième Siècle. Revue d'histoire* 2008/2. № 98. Pp. 19–28.
- Contre-plan présenté par le PSU (2017) (http://www.institut-tribune-socialiste.fr/wp-content/uploads/2017/08/64-11_contreplan.pdf).
- Dosse F. (2010) Le cas de l'événement Mai 68 : une prolifération de sens // Dosse F. *Renaissance de l'événement. Un défi pour l'historien : entre Sphinx et Phénix*. Presses Universitaires de France, Le Noeud Gordien. Pp. 261–272.
- Fisera V.C. (1968) Le PSU face à son histoire: le tournant de Mai 68 // *Exploration du Mai français* / Mouriaux R. [et al.] (dir.). Paris: L'Harmattan. Vol. 2. Pp. 178–215.
- Fulla M. (2011) La gauche socialiste et l'économie: querelle des Anciens et des Modernes ou mue réformatrice délicate (1958–1968)? // *Histoire@Politique*. № 13. Pp. 44–58.
- Kesler J.-F. (1990) De la gauche dissidente au nouveau Parti socialiste. *Les minorités qui ont renoué le PS*. Toulouse.
- Mallet S. (1963) *Nouvelle classe ouvrière*. Paris.
- Mallet S. (1962) L'ancien et le nouveau // *Tribune socialiste*, 26 mars.
- Massa P. (1993) Les classes moyennes vues par le PCF et le PSU (1962–1968) // *Vingtième Siècle, revue d'histoire*, n°37, janvier-mars. Les classes moyennes. Pp. 45–54.

- Nora P. (1972) Événement monstre // Communications, 18. L'événement. Pp. 162–172.
 Rocard M. (1968) Pouvoir populaire // Tribune socialiste, 23 mai.
 Sirinelli J.-F. (2008) Mai 68. L'événement Janus. Paris: Fayard.
 Statuts du Parti Socialiste Unifié // Archives Nationales de la France, 581 AP, 6/26.
 Les Travailleurs peuvent-ils gérer l'économie? (1963) débat entre Pierre Naville, Serge Mallet, Claude Lefort et Pierre Mendès-France. Paris.
-

Failed Revolution? An Interpretation of the Events of May–June 1968 in France

A. VEREVKIN*

*Verevkin Anton – Post-graduate student, School of History, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics. Address: 20, Myasnitskaya st., Moscow, 101000. Russian Federation. E-mail: antonverevkin@yandex.ru

Abstract

By the end of the spring of 1968, French society had experienced the biggest protest movement in its contemporary history. Later on, May '68 became one of the most controversial subjects of French historiography. Considering current state of historiographical arguments this article proposes to revisit one of the earliest interpretations of “the Events of May '68”.

Keywords: French history, May '68, the Events of May-June 1968, revolution, policy documents, new working class, Unified Socialist Party, history of events.

REFERENCES

- Aron R. (1968) La Révolution introuvable. Paris: Fayard.
 Artières P., Zancarini-Fournel M. (2008) (dir.), 68, *une histoire collective*. [1962–1981], Paris, La Découverte.
 Belleville P. (1962) L'engagement syndical des cadres et la CGC. *Perspectives socialistes*, octobre, pp. 23–27.
 Beneton P., Touchard J. (1970) Les interprétations de la crise de mai–juin 1968. *Revue française de science politique*, 20e année, no. 3.
 Boltanski L., Chiapello E. (2011) *Novyj duh kapitalizma* [The New Spirit of Capitalism]. Moscow: NLO.
 Bergounioux A. (2013) Le PSU dans la gauche (1962–1967) // Castagnez N., Jalabert L., Lazar M., Morin G., Sirinelli J.-F. Le Parti socialiste unifié: histoire et postérité. Presse universitaire de Rennes, pp. 93–105.
 Bridier M. (1968) Révolution manquée ? Pourquoi ? ...Et maintenant que faire? Paris. Imp. NPP.
 Brillant B. (2003) De la répétition génégale à la révolution introuvable. B. Brillant. *Les clercs de 68*. Presses universitaires de France.
 Castagnez N., Jalabert L., Lazar M., Morin G., Sirinelli J.-F. (2013) *Le Parti socialiste unifié: histoire et postérité*. Presse univ. de Rennes.
 Charte pour l'unification socialiste. Archives Nationales de la France, 581 AP, 6/26.
 Cohen E. (2008) L'ombre portée de Mai 68 en politique. Démocratie et participation. *Vingtième Siècle. Revue d'histoire* 2008/2 (no. 98), pp. 19–28.
 Contre-plan présenté par le PSU. (2017) (http://www.institut-tribune-socialiste.fr/wp-content/uploads/2017/08/64-11_contreplan.pdf).